

Поколение без Пастернака

Учит. газ. — 1995 — 40 окт. (№ 39) — С. 24

Сначала мы приехали в Ново-Переделкино. Водитель, высадивший нас в новоотстроенном районе, развел руками - мол, понятия не имею, где находится музей Пастернака. Показалось - он вообще не слышал о таком писателе... Потом нам все-таки объяснили, как добраться до станции. Дальше - снова проблема. Вопреки ожиданиям и дачники помочь не смогли - тоже не знали.

Искали по приметам - пастернаковским строчкам:

«А днем простор осенний
Пронизывает вой
Тоскою голошенья
С погоста за рекой...»
«Ты дальше идешь с недоверьем.
Тропинка ныряет в овраг...»

Мы подошли к дому со стороны огромного поля, за которым знаменитое кладбище и Преображенский храм, так часто встречающиеся в стихотворениях Бориса Пастернака. Оно почти не изменилось. Только появились по краям его какие-то нелепые постройки, да виднеются вдаль многоэтажки. Сейчас поле засеяно брюквой и, как всегда в пору бабьего лета, пахнет душистой землей и прелыми листьями.

Обычно у дома, выходящего на широкую сумеречную аллею, тихо. На этот раз еще издали мы услышали гул. Подойдя поближе, увидели большую группу детей среднего и старшего возраста. Они щебетали, пели, приплясывали. Какая-то женщина (учительница или экскурсовод) пыталась рассказывать им о Пастернаке. Но ученики, увлеченные разговорами и музыкой, доносящейся из плееров, почти не слушали ее.

Мне показалось, они забрели сюда случайно. Может быть, из детского санатория, находящегося неподалеку? Но слишком уж ухоженными и «домашними» выглядели дети. Не выдержав, я спросила: «Вы откуда?» - «Из Москвы. Гуманитарный лицей», - снисходительно-важно отмахнулась учительница.

Был понедельник, музей не работал. Сорвавшись с места, процессия прошла по садовой дорожке до противоположной - лесной - калитки и вернулась. Заняты сами собой, ребята толком не взглянули ни на пастернаковский огород, который сейчас восстанавливают биологи под руководством Ольги Виноградовой, ни на помнящий его лес, ни даже на знаменитый дом.

Мы вышли следом за ними. «Ребята, к дому Чуковского сходим?» - «Да ну...» - «А на кладбище?» - «Нет!!! (дружно)» - «А на Афонское подворье?»...

Они сели в роскошные «Икарусы» и укатили. Я с ужасом представила эту ораву на кладбище, в церкви. Эти места, видевшие великое множество людей, все-таки остались тихими. В полутемном, освещенном лишь свечами и лампадами храме шла вечерняя служба. Несколько прихожан, опустив головы, слушали Евангелие. Безлюдным показалось нам и кладбище. Год от года оно стареет. Многие могилы заброшены, на некоторых давно стерлись имена. Только молчание леса, в котором уже чувствуется дыхание осени. Упрямо тянутся вверх корабельные сосны, краснеют огоньки рябин.

Что увидели бы здесь эти дети? Какими глазами посмотрели бы на быструю черную речку, длинную деревянную скамейку на пастернаковской могиле? Увидели и услышали бы они что-нибудь вообще? Или прошли бы мимо, оглушенные иной музыкой?

Первое желание было - поговорить с учительницей. Потом подумала: зачем? Есть вещи, есть понятия, которые усваиваются в детстве и юности. Пришедшие позже, они могут уже не стать привычкой, не войти в плоть и кровь. Да и можно ли объяснить, что в музеи, и уж тем более в церковь и на кладбище скопом не ходят? Что прежде чем вести

Так уж получилось, что в Переделкино я попала впервые совсем недавно, нынешней осенью.

Собиралась несколько лет, но каждый раз что-то мешало - словно не пускало меня туда. До тех пор, пока не полюблю по-настоящему пастернаковские стихи, не прочтута его переписку, не открою для себя «Доктора Живаго».

Я видела множество переделкинских фотографий, хорошо представляла, как выглядит дом, где находятся церковь и кладбище. Казалось, я найду их с закрытыми глазами. А если и заблужусь, помогут местные жители и многочисленные дачники.

куда-то детей, их нужно мало-мальски подготовить? Прежде чем гонять так далеко автобусы, узнать, работает ли в этот день музей? И, наконец, что чем проводить мероприятие ради «галочки», лучше уж не проводить его вовсе?

Люди старшего поколения считают Пастернака своим современником. Мы - поэтом, писателем, художником, с которым чуть-чуть разминулись во времени.

Он умер за год до моего рождения. Я услышала о нем только в юности. Впервые, кажется, в «Иронии судьбы». Пастернака очень любила моя подруга, с которой мы вместе работали в школе. Так в памяти и осталось: сидим дома на кухне или в пустой школе после уроков и читаем вслух: я ей - Цветаеву, она мне - Пастернака.

Потом у меня появилась первая его книжечка - из Малой серии Библиотеки поэта. Купила с рук, за двадцать рублей(!) ночью у книжного магазина. Мужчина, продавший мне книгу, опасливо озирался по сторонам, потом вынул из-за пазухи заветный томик...

Позже мы увидели фильм Андрея Смирнова «Осень», навеянный пастернаковским стихотворением «Осень» из цикла к роману «Доктор Живаго». Об этом фильме, снятом в 69-м, я слышала еще в детстве от родных. Они успели посмотреть его в те годы, правда, для этого им пришлось обегать весь город. Снятый с «полки», вновь он появился на экранах в 87-м. И возникла, заполнила, заполонила экран любовь, о которой не принято было ни говорить, ни писать. Вместе с музыкой Шнитке в нем прозвучали знаменитые стихи Пастернака из переделкинского цикла: «В горячей духоте вагона/Я отдавался целиком/Порыву слабости врожденной/И воссанному с молоком./Сквозь прошлого перипетии/И годы войн и нищеты/Я молча узнавал России/Неповторимые черты...»

Впереди были другие его стихи, и письма, и фотографии... И явление его сына, Евгения Борисовича, в день рождения отца два с половиной года назад. Стояли лютые морозы, но зал музея Марины Цветаевой был полон. Горели свечи. И вдруг все вздрогнуло: в дверном проеме показался... Пастернак. Первоначальное впечатление усилилось, когда Евгений Борисович заговорил, когда глухим - пастернаковским - голосом начал читать стихи...

Переделкино. Дом Пастернака похож на рассекающий невидимые волны корабль. (Недаром Борису Леонидовичу казалось, что совсем рядом, за соснами, море). Мы вошли в него в пасмурный день. Первые желтые листья освещали веранду особым неярким светом. На длинном деревянном столе, окруженном плетеными креслами, стояли чашки, придававшие дому жилой вид. Пастернаковскому музею повезло. В отличие от многих других почти все вещи в нем подлинные.

Просторный кабинет Бориса Леонидовича на втором этаже словно разделен надвое входной дверью и проникающим в окна светом - солнечным - со стороны огорода и сумеречным - со стороны леса. Сосновые стеллажи с книгами. Железная кровать. Плащ и резиновые сапоги хозяина. Полное совпадение земных примет со стихотворными строчками: «Как обещало, не обманывая, /Проникло солнце утром рано/Косою полосой шафрановой/От занавеси до дивана./Оно покрыло жаркой охрой/Соседний лес, дома поселка,/Мою постель, подушку мокрую/И край стены за книжной полкой...»

По дому нас водила смотрительница Нина Петровна Ефременкова. Когда-то она была в Переделкино управляющей домами и знала, конечно, всех. «Я здесь выросла. С Пастернаком познакомилась очень рано. Борис Леонидович всегда приходил к нам звонить - у него не было своего телефона. Очень простой был. Любил разговаривать с людьми. И всем буквально доверял. Когда они с Зинаидой Николаевной уходили гулять, дверь дачи почти никогда не запирали...»

Посетители музея живо интересовались деталями жизни обитателей дома. Внимательно слушали. На свете множество знаменитостей, десятки музеев, и никто не обязан знать все. Тем не менее меня поразило - пришедшие не читали о Пастернаке практически ничего.

Поколение выросших без Пастернака. Лишенные великой литературы, они наверстывают упущенное сейчас. Для этого есть все условия (Правда, лишившись «запретного плода», многие и интерес к нему утратили).

А нынешние школьники, изучающие Пастернака по программе? Не станет ли для них этот великий чужак, этот взрослый ребенок скучной обязательной? Не постигнет ли его участь другого нашего большого поэта и человека - Маяковского?

Через несколько дней мы поехали в Переделкино снова. Я взяла с собой десятилетнюю племянницу. Она долго сопротивлялась - не хотела пропускать очередные телевизионные мультфильмы, но потом все-таки согласилась.

Побывали в музее, побродили по полю. Постояли на службе. Поставили свечку в память Анастасии Ивановны Цветаевой, умершей в эти дни два года назад. Потом пошли на кладбище. Машу очень удивила его заброшенность. «Надо бы выбраться сюда весной, посадить цветы», - вдруг как-то по-взрослому вздохнула она. Взглянув у меня тряпку, сбегала за водой и молча начала оттирать заросшие ряской памятники. Потом мы положили на могилы Пастернака и Арсения Тарковского розы и астры.

Покидали Переделкино под колокольный звон. Такого красивого звучания я никогда не слышала. Заходящее солнце освещало верхушки сосен. Мы знали, что очень скоро опять вернемся сюда.

Наталья САВЕЛЬЕВА
Фото Анны ПАНФИЛОВОЙ

